

ТАЙНА
КАРЛОСА
КАСТАНЕДЫ

АЛЕКСЕЙ КСЕНДЗЮК

ТАЙНА
КАРЛОСА
КАСТАНЕДЫ

Описание Мира

«СОФИА» 2 0 1 4

УДК 291.612
ББК 86.391
К86

Ксендзюк, Алексей Петрович

К86 Тайна Карлоса Кастанеды: Описание мира. Часть I. 4-е издание, исправленное и дополненное автором. – М.: ООО Книжное издательство «София», 2014. – 288 с.

ISBN 978–5–906749–23–9

Данная работа посвящена систематическому описанию и анализу магического знания дона Хуана, изложенного в книгах известного американского антрополога и мистика Карлоса Кастанеды. Читатель познакомится с философскими и психологическими предпосылками этого оригинального учения, а также с практической методикой, позволяющей достичь удивительных результатов. Книга рассчитана на всех, интересующихся проблемами духовного развития и самосовершенствования человека, обретения нового опыта сознания и восприятия.

УДК 291.612
ББК 86.391

ISBN 978–5–906749–23–9

© А. П. Ксендзюк, 2014.
Все права защищены.
© ООО Книжное издательство
«София», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора к четвертому изданию	6
Предисловие автора к третьему изданию	9
Об источниках	14
Введение	16
Глава 1. ТОНАЛЬ И НАГУАЛЬ	44
1. Res integra	44
2. Описание мира: истинная пара	48
3. Ветер нагуаля	68
4. Озабоченность и свобода	80
Глава 2. СОТВОРЕНИЕ ТОНАЛЯ	95
1. Сны разума	95
2. В плену языка	109
3. «Делание»	121
Глава 3. «БЕЗУМНЫЕ РЕЧИ» ДОНА ХУАНА	133
1. Кое–что о пользе надувательств	133
2. Сила безвестности	152
3. Мир рушится	161
Глава 4. ПРОРЫВ К НАГУАЛЮ	173
1. Безмолвие	173
2. Растения силы	196
3. «Неделание» и остановка мира	211
Глава 5. ВЕЛИКОЕ ВОИНСТВО ТОЛТЕКОВ	222
1. Антропологические древности (истоки)	222
2. Светящаяся сущность воина	229
3. «Щиты» внимания	246
4. Точка сборки	260
5. Двуликий Янус	277
Об авторе	287

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Со времени первого издания этой книги (1995) моя работа существенно продвинулась вперед. Практический опыт подтвердил ценность и уникальное значение для саморазвития человека большей части кастанедовских сообщений. *Сновидение* и *видение* прояснили и уточнили целый ряд теоретических и практических положений, касающихся устройства энергетического тела человека, траекторий смещения точки сборки, работы расширенного и измененного восприятия, положили начало описанию мира «больших эманаций Орла» (об этом читайте в следующих работах).

Однако фундаментальные принципы и подходы к учению дона Хуана, выросшие из последовательного и детального анализа кастанедовских текстов, остаются сегодня столь же актуальными, как и восемь лет назад, когда писалась эта книга.

Конечно, настроение практики изменилось, и сегодня многое я написал бы немного иначе. Мое мнение стало менее категоричным и резким, хотя главное в нем, как я уже сказал, не претерпело изменений. Сегодня я склонен излагать мысли более сдержанно, без лишнего пафоса. Но интонация книги – всегда свидетельство конкретного времени. Это касается и исторических обстоятельств, и психологии автора. Переписывать же историю ни к чему, это только вводит читателя в заблуждение.

Я позволил себе внести некоторые уточнения и исправления, удалить несколько фрагментов, утративших, на мой взгляд, актуальность, и убрать номера страниц из ссылок на книги Кастанеды, поскольку, во-первых, эти книги переиздавались много раз, в результате чего нумерация менялась. А во-вторых, подлинные знатоки и без моей помощи легко найдут цитируемые места, так как помнят тексты мэтра уже почти наизусть.

Надо также отметить, что здесь ни слова не добавлено по поводу 10-й, 11-й и 12-й книг Кастанеды. Дело в том, что последние работы Карлоса дали нам не так уж много материала для серьезного анализа. «Колесо времени» (*The Wheel of Time*, 1998) – это просто итог многолетних размышлений и набор афористических высказываний по поводу важнейших аспектов толтекского знания. «Магические пассы» (*Magical Passes*, 1997) – книга, посвященная вспомогательной телесной дисциплине, способной ускорить трансформацию энергетического тела толтека при соблюдении определенных условий.

Единственной работой, где Кастанеда попытался как-то приблизить нас к тайне *намерения*, стала книга «Активная сторона бесконечности» (*The Active Side of Infinity*, 1997). Но настроение этой книги оказалось не столько исследовательским, сколько итоговым. Пасмурная атмосфера прощания с миром на фоне враждебного давления чужеродных энергий – все это словно бы несет на себе печать обреченности. Если внимательно прочесть ее, то возникает невольное ощущение: автор в определенном смысле уже проиграл «заключительную битву» и со всем присущим воину смирением смотрит в темноту, лежащую за пределами непостижимого «свечения осознания».

Иными словами, последние книги Карлоса не содержат в себе новых откровений. Они отражают, в основном, его личные чувства – его печаль, одиночество и готовность уйти, его стремление оставить следующим поколениям «открытую дверь» в Бесконечность и свой магический портрет «одиноким птицы».

По этим и другим причинам я не стал анализировать «сумрачный эпилог» творчества последнего Нагваля старого цикла.

В этой книге Кастанеда – живой. Здесь он предстает перед читателем как полный сил исследователь, которого ожидают грандиозные и непредсказуемые перспективы.

Мне не хочется говорить о тех ошибках, которые совершил этот великий человек в последние годы своей жизни, – об ошибках, уводящих в сторону и сбивающих

с толку, вроде коммерческого проекта Тенсёгрити, создания бизнес-структуры Cleargreen, а равно неуместных мистификациях, связанных с «исчезновением» и «появлением» Кэрол Тиггс или «воплощением» *лазутчиков*.

Ибо это не важно. А важно совсем иное: методологическое и практическое ядро толтекского учения, описанное Кастанедой на протяжении «зрелого» периода его творчества, – описанное исключительно талантливо, убедительно и ярко, – по-прежнему остается величайшим откровением XX века.

Будучи писателем, Карлос не мог и не хотел в своих работах последовательно и четко сформулировать открытую им дисциплину, тем более перевести ее на операциональный язык, с помощью которого привык действовать европейский тональ. Кастанеда был, безусловно, романтиком от мистицизма. Возможно, он верил, что подлинные достижения человеческого духа на пути самотрансформации не нуждаются в технологических рецептах, а полагался на мощь древних символов, пробуждающих творческую интуицию искателя.

Не следует забывать, что Кастанеда начинал свои изыскания в качестве антрополога. Профессиональная «очарованность» индейским шаманизмом делала его порой крайне наивным и восторженным. Такие, вполне прагматичные для толтекского разума, символы, как *Сила*, *намерение*, *путь воина*, *безупречность*, обретали неопределенность и таинственность; так или иначе, он склонялся к Мечте в том виде, какой был ему наиболее близок.

Именно в этом – исключительная сила его наследия, вызывавшего к человеческому сердцу, пробуждавшего забытые *чувства* у его читателей, утомленных однообразием и серостью того описания мира, что создала наша цивилизация.

Но в этом же – его неминуемая слабость. Он подарил своим последователям надежду, дал им толчок, возродил высокую страсть; но, увлеченный всем этим, не дал точных определений ряда методов, пренебрег описанием некоторых важных явлений и оставил слишком много

места для досужих фантазий и домыслов в среде людей, интересующихся данными темами лишь поверхностно.

Карлос Кастанеда просто «открыл дверь» и в общих чертах обрисовал бесконечные ландшафты, простирающиеся там, Снаружи.

Кропотливую исследовательскую работу он оставил продолжателям толтекской традиции Самотрансформации и Познания Реальности.

Сердце и настроение древней, но непрерывно меняющейся магии нагуаля были для Кастанеды важнее, чем детальные описания процедур проникновения во второе внимание, техник развития тела сновидения, приемов и сценариев *безупречности* и *сталкинга* – то есть самих *ключей* к формированию нового типа сознающего существа – «воина нагуаля».

Когда Кастанеда узнал, что старый цикл нагуализма завершается и его предназначение как воина – основать новый цикл с новыми правилами, но той же грандиозной целью, что предстоит сделать толтекскую дисциплину открытой для массового исследования и значительно изменить сам язык ее описания, – а это поистине революционный шаг и колоссальный труд, который никто не сможет одолеть в одиночку, оказалось, что мэтр просто не окружил себя подходящими для этого дела соратниками. Флоринда, Тайша и Кэрол были замкнуты на себе, а их преподавательский (тем более научный) потенциал слишком быстро исчерпался.

«Последний Нагваль», который, как известно, всю жизнь побаивался одиночества, в конце концов столкнулся лицом к лицу со своим страхом. Слишком долго, как мне теперь видится, Кастанеда учился «брать на себя ответственность», слишком долго таился в узком кругу избранных. А его «окончательное путешествие», оказавшееся столь трагическим, повергло оставшихся в глубокую растерянность и шок. Теперь на месте образовавшегося вакуума то там, то здесь появляются сомнительные «нагвали», которые обещают нам раскрыть великие тайны, но, к сожалению, не сообщают ничего нового.

Великие открытия дон-хуановской дисциплины требуют тщательных исследований, дальнейших разработок в области методологии и техники, серьезных продолжателей. Именно они положат начало новому циклу в развитии древнего знания толтеков. Время для него пришло.

*Алексей Ксендзюк,
2002 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Для меня книга «Тайна Карлоса Кастанеды» имеет особое значение. Именно эта публикация стала в моей жизни своеобразной вехой, не просто началом литературной работы, но началом масштабного теоретического и практического исследования наследия великого мистика второй половины XX века – Карлоса Кастанеды.

Впервые эта работа была опубликована одесским издательством в 1995 г. как попытка систематического описания и анализа того знания, которое изложил в своих книгах Кастанеда. Во многом содержание этого исследования определено духовной атмосферой тех лет. Помню, сколько полемики вызывали кастанедовские тексты, как неоднозначно и поверхностно мы понимали изложенные в них идеи и практические методы.

«Толтекской магией» интересовались многие, но понимали ее единицы. Впрочем, мистическое ядро учения и сегодня осталось непередаваемым – тем «темным знанием», для которого не существует языка описания, которое можно постичь лишь через персональный опыт, через собственное чувство, и никак иначе. Эти аспекты знания дона Хуана познаваемы только в процессе практики, но проблема как раз и состояла в том, что по книгам Карлоса Кастанеды – ярким, талантливым, уникальным как по содержанию, так и по духу – построить эффективную практику было невозможно.

Романтический гений Карлоса великолепно передавал настроение, его талант рассказчика увлекал, заставляя внимательно следить за тем, как антрополог, воспитанный в духе западной цивилизации, пытается проникнуть в магический мир месоамериканского шамана, за всеми таинственными перипетиями этого странного обучения.

Пока читатель относится к истории Карлоса как к оригинальному мистическому фэнтези, ему вполне хватает исходного текста. Если же использовать работы Кастанеды как практическое руководство, на каждом шагу возникают вопросы – не только практического свойства, что вполне естественно, но и мировоззренческого, философского, психологического, экзистенциального. Важнейшие идеологемы, метафизические концепции и психотехнические методы, которые мы находим в многотомном эпосе, рождают споры, в которых, увы, далеко не всегда рождается истина.

Именно в такой атмосфере споров и заблуждений я рискнул изложить собственное понимание учения дона Хуана. Ни тогда, ни теперь я не претендовал на то, что моя интерпретация нагуализма является единственно правильной либо, как порой казалось моим критикам, истиной в последней инстанции. В своих последующих работах я уточнял собственные гипотезы и теории; в процессе психоэнергетической практики, основанной на главных концепциях кастанедовского нагуализма, открывал новые методы, подходы и нюансы. Все это в результате превратилось в философско-практическую систему, которую я назвал нагуализмом нового цикла. Интересующиеся читатели могут ознакомиться с развитием этих идей в моих последующих работах.

Но все это случилось позже. В этой книге, написанной, как уже было сказано, в 1995 г., читатель найдет, прежде всего, описание и анализ магического знания дона Хуана. Основное достоинство этой работы – систематизация идей и мистических практик, насколько такая систематизация вообще возможна, когда мы имеем дело с дисциплиной, цель которой – преодоление описания мира как такового, и разъяснение важнейших концептов (тональ и нагуаль, описание мира, «делание» и «неделание», остановка внутреннего диалога, щиты внимания и точка сборки, безупречность, сновидение и stalking, видение энергетической вселенной и многое другое).

Здесь читатель, интересующий идеями психоэнергетической Трансформации человека, найдет множество

прямых и косвенных подтверждений этих идей, представленных в общефилософском и психологическом контексте, так как тогда мне казалось важным поместить магическое знание дона Хуана, которое не вписывалось в известные традиции, в культурное поле духовных поисков человечества.

Трудно судить, насколько мне удалось справиться с этой непростой задачей. По крайней мере, сам подход к материалу оказался весьма продуктивным – он положил начало исследованиям сновидения и безупречности, изучению энергетической вселенной и энергетического тела человека, которые продолжаются и сегодня.

*Алексей Ксендзюк,
2014 г.*

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Работая над этим исследованием, автор прибегал к мыслям и идеям многих философов, исследователей и ученых, предоставивших своими трудами богатый материал для анализа, раздумий и сопоставлений. Хочу с благодарностью упомянуть хотя бы некоторых из них:

<i>Блумер Г.</i>	<i>Сведенборг Э.</i>
<i>Бэндлер Р.</i>	<i>Судзуки Д. Т.</i>
<i>Вейль С.</i>	<i>Сэпир Э.</i>
<i>Витгенштейн Л.</i>	<i>Тайлор Э.</i>
<i>Гегель</i>	<i>Трунгпа Чогьям</i>
<i>Гриндер Дж.</i>	<i>Уорф Б.</i>
<i>Кришнамурти Дж.</i>	<i>Фабри К.</i>
<i>Лилли Дж.</i>	<i>Франкл В.</i>
<i>Малявин В.</i>	<i>Хайдеггер М.</i>
<i>Мамардашвили М.</i>	<i>Хаксли О.</i>
<i>Маритен Ж.</i>	<i>Хэвитт Дж.</i>
<i>Мердок А.</i>	<i>Чжуан-цзы</i>
<i>Меррелл-Вольф Ф.</i>	<i>Шелер М.</i>
<i>Павитра</i>	<i>Шри Ауробиндо</i>
<i>Парсонс Т.</i>	

В своей работе я также опирался на известную статью о Карлосе Кастанеде в журнале *Time*, на его интервью С. Кину в *Psychology Today* и другие опубликованные воспоминания о встречах с этим замечательным человеком.

Каждая цитата из произведений Карлоса Кастанеды в предлагаемой работе снабжена указанием на источник. Информация об источнике приводится в скобках – римской цифрой обозначается номер книги по порядку выхода их в свет.

Порядок обозначений:

- «Учение дона Хуана» – I
- «Отдельная реальность» – II
- «Путешествие в Икстлан» – III
- «Сказки о силе» – IV
- «Второе кольцо силы» – V
- «Дар Орла» – VI
- «Огонь изнутри» – VII
- «Сила безмолвия» – VIII
- «Искусство сновидения» – IX

Текст цитат приводится в соответствии с редакцией перевода, опубликованного издательством «София».

ВВЕДЕНИЕ

Как знать, что именуемое нами небесным не является человеческим? А именуемое человеческим не является небесным? Следовательно, должен быть настоящий человек, и тогда будет настоящее знание.

Чжуан-цзы

Мы будем говорить о тайне. Хотя с некоторых пор тайны такого рода все больше напоминают романтические саги экзальтированных менестрелей Галактики либо сексуальные фантазии одиноких и не в меру впечатлительных дам, либо литературный психоз в духе Стивена Kinga, – словом, тайна в нашу эпоху стала чем-то вроде яркого, но безвкусного шоу, где грубо сработанные из папье-маше куклы говорят возвышенно, многословно и умно, да только привести никуда не могут. Потому что они говорят о *снах*.

Галлюцинирующий мозг «контактера» генерирует самодельные тайны, чуткие ко всему новому экстрасенсы толкуют их психоэнергетически, колдуны чародействуют, а правоверные буддисты дремлют в своей беспредметной нирване... Мы поистине мифотворцы. Христос или Кришна, Космический Разум или Космическая же Любовь (а проще сказать, Космический Человек, ибо все это «слишком человеческое») для нас гораздо важнее подлинной непостижимой Реальности, о которую запросто разбивают лбы рафинированные сказочники-окультисты.

И мы будем говорить о тайне именно *этой* реальности – ее бледный, но неотступный свет лежит на могильной плите всех человеческих мифов; образ, конечно, неуютный, и нет поблизости сияющих гуру, одним взглядом своим дарующих блаженство... Просто истина – со своей свободой и красотой, со своей тоской и жестокостью.

И со своей неизбывной полнотой смысла. «Не любите сна, чтобы не обеднеть». Но все мы (или почти все) сладко спали столетия и столетия, не желая думать о предостережении библейского мудреца.

А хоронить миф – дело опасное и неблагодарное. Все эти истерики, все эти эмиссары гималайских махатм, что, подобно инквизиторам, одержимы происками дьявола (Братства Тьмы, например), все эти новоявленные экзорцисты – взываются хором, чтобы поносить «своемудрых», и даже не в тщеславии дело и не во власти над умами. *Человеческое* восстает против *над-человеческого*, и подлинная причина бунта – страх.

Ну вот, подумает читатель, и проясняется понемногу, к чему клонит автор: сейчас мы услышим историю нового Мессии, который явно (по мнению писателя) заткнул за пояс всех предыдущих. *Нет*. Не будет никакого мессии, и аватаров не будет, и никакой высший Дух не водил моим пером, когда создавалась эта книга.

И все же речь пойдет о тайне – возможно, самой великой из тех, что когда-либо открывалась человеку. О тайне сокровенной и сумеречной стороны его существа, сумеречной именно из-за потаенности своей (затененности, позабытости, но не вредоносности, как поневоле желает думать тот, кто привык сражаться с «враждебными силами»). Именно трезвость ума, непредвзятость чувства, отрешенность от страхов и суеверий подводят нас к тому, чтобы *просто понять* и тем самым, быть может, вернуть мистицизму его настоящее сердце.

Нет в нас ни inferнальной тьмы – родительницы пагубных и вредоносных сил, того воинства ада, что обращает человеческую природу ко злу; нет в нас и светозарных небес, чьей милостью возрождаемся мы к жизни высокой и вечной. Есть только бодрствующий дух, который и творит, и находит пути к подлинному развитию малопостижимого средоточия Силы – центру восприятия, сущностному «я». О том и говорит в латинском двестишии средневековый магик Корнелий Агриппа, оставшийся верным поиску объективной Истины:

*Nos habitat non tartara, sed nec sidera coeli,
Spiritus in nobis qui viget, illa facit.*

(Не адские силы в нас пребывают и не светила небес,
А бодрствующий дух, который творит.)

1

Мы подавлены тяжестью мира. Его однозначная и утомительная структура поработает нас, принуждая исполнять запрограммированное действие, имеющее всегда один сценарий: *выживание*. Это мироздание давно посерело и выцвело от многократного использования – мы отдаем ему свои жизни, бесконечно повторяя одну и ту же записку, одну и ту же программу, испытывая одни и те же чувства, надежды, ожидания. Мы тщательно прикидываемся, что верим в разнообразие ходов и непредсказуемость перспектив, но в сокровенной глубине знаем, что движемся одной–единственной тропинкой, сойти с которой у нас никогда не хватает духа.

И тогда, чтобы не умереть от скуки, мы сочиняем сказки – но далеко не всегда невинные. Мы их сочиняем, мы в них верим, мы живем ими – восторгаемся, грезим, страдаем, воюем ради них и убиваем, именно *убиваем* друг друга. Как пронизательно заметил бдительный автор прославленной «Агни–йоги» (он–то, конечно, вещал о своем, но попал в самую точку): «Опасность одурения возрастает».

Потому мы и не хотим явления Мессии («не мир я вам принес, но меч») и не хотим сладкозвучных колыбельных песен добросердечных старичков – доморощенных психотерапевтов, у которых санскритская Ананда так чудно рифмуется с Благодатью Божией. Мы хотим живой, осязаемой Тайны – пусть бестрепетно отрешенной, нечеловеческой, но *настоящей*. Нам необходимо *отрезвление истиной*.

И такое отрезвление (словно порыв свободного ветра, за которым – подлинное, а не мнимое бессмертие, здешнее и одновременно невообразимо далекое чудо, так не схожее со спиритуалистическими фокусами наших духо–

видцев!) не явилось, разумеется, с гималайских вершин, где блуждает высокий дурман Востока.

Открытие великой тайны и начало великого отрезвления восходит к лету 1960 года, когда некий Карлос Кастанеда, никому не известный и малопримечательный молодой человек, обладавший латиноамериканской внешностью, но при этом настырностью прирожденного янки, «в ту пору студент антропологии при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, предпринял несколько поездок на Юго-Запад с целью сбора информации о лекарственных растениях, используемых местными индейцами» (1).

В те годы призрак психоделической революции уже нетерпеливо топтался на пороге скучного, вылизанного до тошноты жилища европейской культуры; в те годы примитивные племена со своими знахарями и колдунами были готовы взять реванш и хоть на миг сорвать с себя личину неполноценности, навязанную им самовлюбленными пришельцами; новые пророки, учителя и шарлатаны упражнялись в ЛСД-терапии – назревал бум. Древнее целительство – все эти кипящие в горшках корни и травы, завывания, шаманические пляски вокруг полночных кострищ – становилось модной штучкой. И вряд ли Карлос был единственным антропологом, кому припала охота поподробнее разузнать о *пейоте* – кактусе семейства *Lofofoa*, содержащем мескалин, один из сильнейших галлюциногенов, известных в наше время. Тем более что исследования культа, связанного с этим растением, уже попадались ему на глаза. В одном интервью К. Кастанеда сам ссылается на книгу *W. La Barre «The peyote cult»*.

Однако лишь он смог найти нечто действительно потрясающее, рядом с чем всякие «промывки мозгов» в стиле Тимоти Лири или «светящиеся существа» любителей сенсорной депривации (Дж. Лилли и др.) кажутся просто детской забавой безмерно скучающего человека. Конечно, ему помог случай – по крайней мере, так думать легко и удобно. Хотя кто знает? Ведь «небо не говорит», как любил повторять один очень древний даос. Просто Карлос Кастанеда познакомился с доном Хуаном – индей-

цем племени яки, очень загадочным стариком, буквально заворожившим нашего антрополога. «После я стал навещать его, и примерно через год он сообщил, что решил передать мне то магическое знание, которое получил от своего учителя» (из интервью в *Psychology Today*).

Все эти события теперь широко известны. Книги, написанные Кастанедой, с завидным постоянством повествуют падкому на сенсации читателю о «магическом знании» дона Хуана. Понять такое знание непросто, ну а принять со всей серьезностью – почти равносильно самоуничтожению. «Объяснение магов, которое совсем не похоже на объяснение, является смертельным, – сказал он. – Оно кажется безвредным и очаровательным, но как только воин откроется ему, оно наносит удар, который никто не может отразить» (IV).

И вовсе не ради красивых слов мы упомянули похороны мифа. Такого основательного удара по человеческому сознанию еще не наносил никто. И подчеркнуть это нам кажется особенно важным: всплеск интереса к «измененным состояниям сознания», ЛСД-путешествиям, восточным психотехникам породил в 60-е и 70-е годы целый поток научной, околонучной и совсем не научной литературы. Это изобилие не столько восхищало, сколько настораживало: европейская культура ассимилировала новые веяния и конструировала новую мифологию. Кастанеда остался «одиноким птицей» в небесах своего безжалостного знания, и только миллионы красочно изданных книжек с его именем на обложках по-прежнему раскупаются студентами с пылким воображением и прочими любителями «остросюжетной мистики».

Старый дон Хуан Матус нанес удар, но его попросту *не пожелали* заметить.

«Понимание идет от разума. Но то, что делает возможным понимание, – это порыв бытия, а не разум», – говорили древние китайцы. Уже тогда они понимали, что разум и бытие разделяет пропасть. Дерзнувшие броситься туда находят либо смерть, либо вечную дорогу, где без усталости ходит свирепый космический ветер.

2

Магия – опасное слово. К несчастью, мы разучились чувствовать «дух» слова и прозревать многозначность символа, ибо в нашем прагматическом, обескровленном языке (как и в самом нашем мире, для которого язык лишь блеклое зеркало, где красуется этот оскопленный, утомительный разум) царствует терминология и классификация. Лишь свободный дон Хуан может позволить себе неустанно играть словами, всякий раз напоминая сбитому с толку Карлосу: «Это лишь способ говорить».

Критики Кастанеды, и даже не столько те, что тяготеют к примитивному материализму, а именно адепты «высокой духовности», обожатели Космического Разума и просветленных «учителей», презирают магию с особенной силой, из-за чего и страшатся Кастанеды, а от дона Хуана бегут, словно черт от ладана. Знание не-божественное (а вернее сказать, не-человеческое), знание пагубное, зловещее и разрушительное – вот что для них магия.

Ученый люд, конечно, не так пуглив, но столь же выскомерен. Доктор Леманн с простительной наивностью (ибо писал свой труд еще в 1900 г., а с тех пор ничего не изменилось) разъясняет так: «Суеверие – это теория, а магия – деятельность, являющаяся результатом такой теории... Если верят в существование демонов, т. е. низших духов, помощь которых в том, чего иным способом нельзя достигнуть, можно купить или вынудить, то вполне естественно, что в таком случае станут пробовать, нельзя ли добиться этой помощи. Всякий поступок, являющийся результатом такого мнения, есть магия»*.

О целях магии Леманн говорит вполне определенно, и, несмотря на давность этого высказывания, прислушаться к нему стоит. Ибо и сейчас традиционное понимание магии не претерпело особых изменений: «...мы видели, что человечество всегда верило в возможность магических операций, посредством которых добивались двух

* Иллюстрированная история суеверий и волшебства. М., 1900.

целей: во-первых, стремились к познанию фактов, лежащих вне пределов обыкновенного опыта и необъяснимых общепринятыми способами; во-вторых, пытались получить *власть* над внешним миром, недостижимую обыкновенными средствами. Ввиду этого, с одной стороны, мы видим упорное стремление поднять завесу будущего при помощи целого ряда методов... с другой – видим страстное стремление получить власть над материальным миром для достижения различных практических целей: лечения болезней, удлинения жизни, приобретения знатности, богатства и половых наслаждений... – вообще для всего, что близко человеческому сердцу».

Как видите, магия бездуховна хотя бы уже потому, что направляет основное свое усилие на блага «мира сего» – отвратительно, особенно если вспомнить, кого нарекли «князем этого мира»!

Дальше – хуже. Неожиданное сходство магии с наукой (и далеко не в лучшем смысле) находит видный английский моралист Клайв С. Льюис: «И магия, и прикладная наука отличаются от мудрости предшествующих столетий одним и тем же. Старинный мудрец прежде всего думал о том, как сообразовать свою душу с реальностью, и плодами его раздумий были знание, самообуздание, добродетель. Магия и прикладная наука думают о том, как подчинить реальность своим хотениям; плод их – техника, применяя которую можно сделать многое, что считалось кощунственным, – скажем, нарушать покой мертвых» (Клайв С. Льюис. Человек отменяется).

Именно такое отношение к магам было господствующим в средневековой Европе. Недаром тот же Клайв Льюис напоминает, что в пьесе Марло даже доктор Фауст – искатель чистого знания – от бесов «требовал не истины, а денег и девиц». Своеобразным итогом предложенной линии рассуждений может послужить характерное высказывание И. Ярви и Дж. Агасси: «Мы утверждаем, что магия является ложной научной теорией, не более и не менее. Это делает ее наукой. Поппер часто говорит, что мы можем быть уверены в эмпиричности и научности теории лишь после ее фальсификации. Но раз лучшая

наука открыта, ложная наука может быть в лучшем случае относительно сильно рациональной. Превосходство очень сильно рациональной науки здесь и сказывается: при указанном понимании магии и науки мы предпочтем науку лишь потому, что она лучше проверяема, объясняет больше и более точно и т. п.»*.

Стало быть, Карлос Кастанеда все эти годы был ведом Хуаном Матусом к освоению сверхъестественной техники, дающей власть над людьми, золотом и женскими сердцами? Он преподавал наивному антропологу науку запугивания и оболванивания, готовил приворотные зелья и обучал втыкать иголки в изображения вредных профессоров, чтобы те не подсиживали талантливого Карлоса в своем Калифорнийском университете? Глупо и смешно. Слова делают нас слепыми и глухими, а подлинный смысл драмы человека, ступившего на край бездны неведомого, ускользает неприметно и невосполнимо.

Как же назвать ту странную дисциплину, которой отдавали жизнь невероятные индейские «колдуны», принявшие и признавшие будущего лектора-антрополога? Ведь даже строго энциклопедическое определение магии толкует все о том же: «колдовство, чародейство, волшебство, обряды, призванные сверхъестественным путем воздействовать на мир (явления природы, людей, духов)». Сюда относится хозяйственная магия (обряды вызывания дождя, обеспечения удачи на охоте), лечебная магия, вредоносная (насылание «порчи» и т. п.), магия любовная и еще многое в подобном духе.

Любопытно обратить внимание в связи с этим на некое странное «суеверие». Если просвещенные магистры и доктора относятся к магии, в основном, с высокомерным пренебрежением, то обычный носитель массового сознания ее по меньшей мере побаивается. Известный этнограф Э. Б. Тайлор в своей монографии «Первобытная культура» приводит целый ряд примеров такого рода страха у народов «цивилизованных» перед примитивными племенами, «владеющими волшебными силами».

* Agassi J., Jarvie I. C. Magic and rationality again // The British journal of sociology. 1973. Vol. 24. No. 2.

Кажется, сама примитивность этих племен, аморфность и иррациональность восприятия мира («описания мира», как выражается дон Хуан) отворяют для них путь к силам, напрочь позабытым «окультуренными» собратьями.

«В любой стране изолированное или отдаленное племя, уцелевший остаток более древней народности могут приобрести репутацию колдунов, – пишет Тайлор. – Для малайцев – это дикое племя джакун, для древних арийцев – всякие грубые туземцы покоряемых ими стран. Даже в Северной Европе относительно малокультурные народы, такие как финны и лопари, долгое время оставались «предметом суеверного страха для своих скандинавских соседей и притеснителей» (Э. Б. Тайлор. Первобытная культура).

Мы еще вернемся к этому любопытному факту и попробуем разобраться, не стоит ли за этим страхом нечто большее, чем «презренное суеверие» – атавизм «низшего уровня цивилизации», и почему люди древности колдовали, видимо, удачнее, чем наши с вами современники.

Но прежде всего нам следовало бы рассмотреть, как понимали сущность магии наши предки, как понимают ее современники и следует ли хоть в каком-то смысле называть дисциплину дон Хуана магией? Например, один из исследователей оккультизма Рам М. Тамм в своем «Комментарии к работам Карлоса Кастанеды» без тени сомнения называет последователей дон Хуана «магами», так как существенной чертой магии (в отличие от более высоких, т. е. «духовных» учений) полагает поиск паранормальных сил и способностей.

Рассуждает он так:

«Однако дон Хуан, дон Хенаро и их ученики, используя эксперименты с гравитацией для достижения различных сиддхи (магические сверхсилы), не достигают конечной реализации. Охота за силой блокирует их духовное развитие и поглощает большую часть их акаше-пранической энергии. Это общая участь всех сиддхи-искателей. Сам факт использования центра пупа указывает на жажду мощи. Этот центр, иногда называемый «чакрой силы ци», используется каратистами, тибетскими и китайскими

магами и индийскими факирами для генерирования – проектирования – манипулирования этой силой (*ци* или *ки*). Кроме того, колдуны используют этот центр для высасывания энергии из живых существ (магическая эксплуатация и кража энергии)*.

Колдуны яки, по его мнению, «не ищут освобождения от кармы». Полностью загипнотизированный индо-буддистским мифом о колесе реинкарнаций, о страдании и карме, автор просто не желает замечать многократно повторяемую и подтверждаемую идею дона Хуана о том, что «воин ищет только свободу». Охота за силой – действительно одна из важнейших концепций в книгах Кастанеды, но, во-первых, эта сила не может быть получена через «кражу» или «эксплуатацию», а во-вторых, по самой природе своей не может иметь ничего общего с эгоистическими устремлениями личности. Рам М. Тамм справедливо утверждает, что «погоня за мощью – вообще характерная черта нашего времени, а древняя мудрость теперь используется большинством лишь как средство приобретения различных сиддхи и подчинения себе или порабощения других существ. Можно сказать, что со своего статуса эффективной помощи в духовных достижениях магия деградировала до статуса простого инструмента вызывания различных психозов (политико-социального религиоза-сайентоза, анимистического магиоза и др.) и магической кражи» (там же, с. 62).

Да только данный пассаж не имеет ни малейшего отношения к магии Карлоса Кастанеды. Читатель, взявший на себя труд ознакомиться с основными идеями, целями и методами описываемого пути, легко сможет убедиться в этом. Скорее уж здесь будет уместно упоминание о «духовной жажде», о «поиске истины». Так пришел к магии Фауст у Гете:

*«Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,*

* Рам М. Тамм. Тайны магов. С. 60.

*Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
 О том, чего не ведаю я сам,
 Чтоб я постиг все действия, все тайны,
 Всю мира внутреннюю связь;
 Из уст моих чтоб истина лилась,
 А не набор речей случайный».*

(Пер. Н. Холодковского)

Путь дона Хуана ведет еще дальше: не просто «все сущее в основе» открывается на этой дороге, но вся человеческая личность, целостное существо «превосходит себя», становясь объективным воплощением истинного Бытия – потоком свободной самосознающей энергии, которой нет предела. Магия, упоминаемая такими критиками, как Рам М. Тамм, для «воинов» дона Хуана неприемлема.

«И ты не считаешь себя магом, дон Хуан, правда?

– Не считаю, – ответил он. – Я – воин, который видит. И вообще, все мы – «лос нуэвос видентес» – новые видящие. Магами были древние видящие.

– Обычный человек, – продолжал дон Хуан, – воспринимает магию как нечто скорее отрицательное; тем не менее она его привлекает. Именно поэтому, когда ты находился в состоянии нормального осознания, я сделал так, чтобы ты считал нас магами. Так рекомендуется поступать, чтобы пробудить интерес. Но для нас сделаться на самом деле магами – тупик» (VII).

Как видите, трюк, использованный доном Хуаном для привлечения неофита, сбил с толку не только Карлоса, но и многих его читателей. Но и поспешность суждений критиков наглядно демонстрирует, как человек привык обманывать себя словами и строить отношение к явлениям исходя из простых сотрясений воздуха. Новые видящие, объясняет дон Хуан, пришли к выводу, что «магические практики лишены собственной ценности» (VII), и отказались «от всей этой чепухи – ритуалов, заклинаний и прочего».

«Цель всех магических приемов – воздействие на других людей, – говорит дон Хуан в другом месте (II). –

А видение на других никак не влияет». Короче не скажешь. Видение (seeing), основная практическая задача в учении дона Хуана, постижение Реальности как она есть через непосредственное восприятие, срывает с человека все эгоистическое, все эти потуги «управлять», «принуждать», «воздействовать», «манипулировать». Потому магия как подход противоположный – это тупик для тех, кто ищет свободу.

«...Видение, по сути своей, противоположно магии, потому что показывает неважность всего этого.

– Неважность чего, дон Хуан?

– Неважность всего» (II).

Назвать – значит ограничить. Слово «магия» в устах дона Хуана – только некий знак, удобный и краткий иероглиф, «способ говорить» о знании, для которого все равно нет аналогий.

«В разное время по моей просьбе дон Хуан пытался дать название своему знанию. Он полагал, что наиболее подходящим названием был бы «нагвализм», но этот термин слишком непонятен. Назвать его просто «знание» – означало бы не отразить его сути, а назвать колдовством было бы унижительно. «Овладение намерением» – слишком абстрактно, а «поиск полной свободы» – слишком длинно и метафорично. В конце концов, не сумев найти более подходящего названия, он согласился называть его «магией», хотя признавал, что и этот термин не точен» (VIII).

Мы можем прийти лишь к познанию непостижимой и величественной тайны себя и мира. Конечно, эта тайна включает в себе огромное могущество, она дает подлинную и невообразимую силу. Только так мы и можем говорить о магии, с которой знакомит нас Кастанеда.

«Все, через что я тебя провел, – продолжал дон Хуан, – все, что я показывал тебе, все это было лишь средством убедить тебя, что в мире есть нечто большее, чем мы можем видеть. Незачем кому-то учить нас магии, потому что в действительности нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам нужен лишь учитель, который смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев. Какой странный парадокс!

Каждый воин на пути знания в то или иное время думает, что изучает магию, но все, что он делает при этом, – это позволяет убедить себя в наличии силы, скрытой в самом его существе, и в том, что он может овладеть ею» (VIII).

3

Певцы «духовности» недовольны книгами Кастанеды, поскольку, кажется, подсознательно стремятся к педагогическому пафосу. Маловато у дона Хуана торжественных речей, а насчет созидания высших ценностей, победы света и добра, преодоления невежества и установления царства Истины на Земле подозрительный «маг» либо помалкивает, либо грубовато насмехается со специфически индейским юмором. Даже необычайно отвлеченный свет Абсолюта ни единым лучиком не сияет на пустынных просторах кастанедовских пейзажей; носитель «искры Божией», бессмертного и эволюционирующего Духа может быть в самый решительный момент запросто поименован «кучей дерьма», а Бог, сотворенный человеком по своему образу и подобию, оказывается ограниченным и бесполезным. «Беспредельная пустота и ничего святого», как формулируют свое представление о Реальности последователи дзэн.

Вообще же, почти все (за редким исключением) мистические доктрины, зовущие человека к развитию, совершенству и самореализации, грешат антропоморфизмом мышления. Это тем более удивительно, когда в их основе лежит солидный философский базис и утонченная метафизика, что имеет место, скажем, в индо-буддистском корпусе идей. Рассуждая о природе подлинной Реальности, объективный и последовательный мыслитель неминуемо вынужден постулировать неприложимость к этой Реальности никаких человеческих мерок, критериев, оценок. В противном случае он должен откровенно признать, что не является беспристрастным исследователем, а следует собственной вере, субъективным предпочтениям в интерпретации бытия, т. е. желает видеть мир и роль человека в нем именно таковыми.

Конечно, мы сталкиваемся с подобной откровенностью достаточно редко. Неприкрытое мифотворчество с утешительной, терапевтической целью хотя и может быть в ряде случаев оправдано, но малопривлекательно для искателей «смысла жизни», а значит – неэффективно. Антропоморфизм, «очеловечивание» Реальности, обычно возникает в серьезных мистических дисциплинах постепенно, поначалу с оговорками и оправданиями, через незаметные с первого взгляда логические натяжки, апелляции к «внутреннему чувству», «инстинкту», и незаметно окрашивает теоретические размышления, чтобы затем дать жизнь некоей «фундаментальной», но совершенно человеческой идее, а в итоге – родить еще одну разновидность религии, т. е. мифа, пусть даже самого прекрасного.

Так обстоит дело с идеями. Если же речь заходит о конкретном опыте, индивидуальном переживании необычных психических состояний, то здесь, конечно же, антропоморфный тип интерпретации царит безраздельно. Даже профессиональный философ, декларирующий непостижимость всемирного бытия и полную безличность вселенской энергии, вдруг вспоминает о «Божественном Свете», о Милости и Благодати, о великом покое Высшего Разума и т. п. Космическое Добро и Зло, Свет и Тьма оказываются неизбежными атрибутами еще совсем недавно неопределимого мироздания, а известный тезис о единстве человека и вселенной плавно перерастает в тезис об их взаимоподобии. Так мы навязываем Реальности наши собственные идеалы, цели, понятные нам характеристики.

Вряд ли стоит рассматривать бесчисленное множество примеров подобных метаморфоз, тем более что часто они аргументированы неуклюже и малоубедительно, не говоря уже о том, что многие авторы «духовных учений» даже не отдают отчет в собственных манипуляциях, с обескураживающим простодушием мешая в кучу противоположные взгляды и идеи. Интересным примером здесь, как нам кажется, может послужить учение действительно великого индийского философа Шри Ауробиндо

(Ауробиндо Гхош, 1872–1950). В своем грандиозном труде «Жизнь Божественная» он говорит о природе Реальности следующее:

«Но это единство по природе своей неопределимо. Пытаясь его представить с помощью ума, мы вынуждены пройти через бесконечный ряд концепций и опыта. И нам все же приходится отвергнуть свои самые широкие концепции, свой самый всеобъемлющий опыт, чтобы подтвердить: Реальность выходит за рамки всех определений»*.

С этим положением трудно не согласиться – трезвый и объективный подход философа нас подкупает. Но лишь двумя страницами ниже мы читаем следующее:

«Иными словами, если Брахман вошел в форму и проявил свое бытие в материальной субстанции, это возможно лишь для радости самопроявления Его в образах относительного и феноменального сознания. Брахман существует в этом мире, чтобы представить себя в ценностях Жизни. Жизнь существует в Брахмане, чтобы раскрыть Брахмана в себе. Таким образом, значение человека в этом мире заключается в том, что человек отдает ему то развитие сознания, в котором такое преобразование с помощью совершенного самораскрытия становится возможным. Человеческое в человеке заключается в осуществлении Бога в жизни. Он начинает свой путь с животной витальности и ее деятельности, но божественное бытие – *его цель*» (там же, с. 36; курсив мой. – А. К.).

Такая мысль понятна и не может не вызвать сочувствия. У нас нет ни малейшего желания опровергать высокую идею индийского гения, но если взглянуть на вещи абсолютно честно, то мы не сможем объяснить, как из первого положения вытекает второе. Шри Ауробиндо тщательно и подробно аргументирует свои взгляды, но корень противоречия неустраним. На основании чего возможно заключить, что неопределимая Реальность, к которой не подходят даже «самые широкие концепции», развивается в абсолютном согласии со вполне челове-

* Sri Aurobindo. The Life Divine. Pondicherry, p. 33.

ской идеей о «духовной эволюции»? Нам следовало бы постоянно помнить: человек и мир (Бытие, Реальность) едины, человек – неотъемлемая часть его, и в этом мироздании действительно заключено нечто человеческое, иначе бы мы никогда не возникли. Но это не может быть достаточным основанием для распространения человеческих идеалов на космос.

Для читателя, привыкшего рассуждать о духовной эволюции, дон Хуан возмутителен, потому что среди идей индейского «мага» не найдешь ничего подобного. И это естественно. Мы часто забываем, что «эволюция» – это не просто движение, но движение от худшего к лучшему, от низкого к высокому, от менее совершенного к более совершенному. А введение подобных критериев в картину мира недопустимо, ибо это и есть антропоморфизм. То, что нам приятно думать об эволюции, как раз доказывает исключительно «домашнее» изготовление этой концепции. Ею оказываются заражены даже те исследователи «духовности», которые претендуют на научную объективность своих экспериментов – например, Ф. Меррелл-Вольф или Дж. Лилли. Антропоморфизм мышления, этот рудимент, доставшийся нам еще от древнейшего мистицизма, кажется поистине бессмертным.

Из всех широко известных духовных доктрин мы могли бы, пожалуй, назвать лишь две, последовательно и беспристрастно воплощающие на практике идею чистой Реальности без какого-либо очеловечивания ее. Это даосизм и дзэн-буддизм. В первом учении реальность выступает как неведомый «путь вещей», во втором – как «пустота», что выше всякого понимания. «Таким образом, Шарипутра, всем вещам присуще свойство пустоты, – говорится в излюбленной сутре дзэн-буддистов. – Они не имеют ни начала, ни конца. Они ни порочны, ни непорочны, ни совершенны, ни несовершенны. А потому, о Шарипутра, здесь, в этой пустоте, нет ни формы, ни восприятия, ни имени, ни понятий, ни знания. Здесь нет ни органов чувств, ни тела, ни ума. Нет формы, нет звука, запаха, вкуса, осязания, нет предметов. Нет знания, нет неведения, которое нужно устранить. Здесь нет разложе-

ния и смерти... Здесь нет представления о нирване, нет ее достижения или недостижения» (Праджня–парамита–хридая–сутра).

Разумеется, идея пустоты характерна для всех школ северного буддизма, но только в секте чань (дзэн) она безоговорочно определяет характер психологической практики и оценку переживаний в измененных состояниях сознания.

Итак, вещи мира «ни порочны, ни непорочны, ни совершенны, ни несовершенны». Понятно, что при таком взгляде на бытие никакое представление о духовной эволюции возникнуть не может. Более того, само слово «духовность» употребляемо здесь только в самом отдаленном своем значении. Недаром мы помещаем его в кавычки – ведь это понятие обусловлено особенностями европейского ума, переносящего собственные предрассудки на благодатную почву индо–буддистского мистицизма. Тем не менее упреки в отсутствии «духовности» критики Кастанеды выражают достаточно часто.

Скажем, уже цитированный выше Рам М. Тамм в качестве одного из недостатков учения дона Хуана называет «страсть к жизни», именуя его изначальным «кармическим комплексом». Отсюда – невозможность высоких духовных достижений, ибо карма не преодолена, не «изжита» и т. д. На этом примере мы ясно видим, насколько узко и однозначно понимается духовность большинством современных мистиков. Единственно достойная для них цель – устранение из трагического круговорота иллюзий и переход в некую высшую апатию, отмеченную невыразимым блаженством и (если уж говорить честно) абсолютной бездеятельностью. Только такой процесс в их представлении может считаться «духовным развитием». Легко заметить, сколько понятий, свойственных только определенному типу культуры, вовлечено в это туманное, но благородное слово. Лишь благодаря нашему удивительному самомнению «духовность» оказывается критерием истины при исследовании головокружительной бездны бытия. Настолько ли мы проницательны, чтобы

доверять самодельной мечте и под нее кроить мироздание?

Например, центральной мифологемой большинства духовных учений Востока является «возвращение к источнику». Такой «путь назад» тоже сплошь и рядом принимают за свидетельство духовности предлагаемой доктрины. О чем, собственно, идет речь? Бесконечность развития, столь высоко ценимая человеком, здесь превращается скорее в фикцию, ибо декларируемая идеальная цель – не только отречение от эго, а полное возвращение в изначальную безличность: То, Брахман, Шуньята, Абсолют и т. п. Конечно, можно найти немало метафизических спекуляций, оправдывающих необходимость «индивидуализированного» эпизода в истории эволюции Духа, чтобы затем ему (Духу) вернуться в конце концов к первичной имперсональности. Однако и здесь трудно понять, почему мы должны удовлетвориться словесными играми на этот счет и почему высшим достижением человека надо полагать возвращение к отправной точке. Верно заметил Рам Дасс в своей книге «Зерно на мельницу»: «Жутковато становится, когда начинаешь растворяться в Пустоте». Но: «Прекрасно, когда возвращаешься к Богу».

Странным образом сюда подключается сострадание ко всему живому, и вот уже готова очень красивая, но столь же безосновательная мысль: «Единственная причина, по которой совершенно свободная сущность предпочла бы остаться внутри иллюзии, – это для того, чтобы облегчить страдания всех существ»*. Так всему основой становится бхакти, Космическая Любовь, а по выражению самого автора – «оргазм души». И дело совсем не в том, заключена ли истина в подобных, уже давно ставших тривиальными идеях – кто знает, может, реальность именно такова. Гораздо важнее просто понять, что у нас нет оснований исходить из подобных умозаключений. Верны они или нет, в них – только отражение человеческих чаяний и

* Baba Ram Dass. *Grist for the Mill*. N. Y., 1976.

грез. Именно об этом неоднократно напоминает дон Хуан в книгах Карлоса Кастанеды.

Обычно мы ищем у духовных учителей спасительной, утешающей вести. Спрос, как известно, рождает предложение, так что в подобных проповедях давно уже нет недостатка. Если же речь заходит о подлинном поиске, мало кому захочется оставить уютные фантазии и скитаться на ощупь в абсолютной безбрежности. «Я убедился на собственном опыте, что очень немногие хотят даже слушать, а тем более – действовать в соответствии с тем, что они слышали», – говорит дон Хуан (IV). А потому идеи мессианства должны быть напрочь отброшены сразу. «Позволь мне начать с того, что учитель никогда не ищет учеников и что никто не может распространять учение, – сказал он» (IV).

Однако заявлять подобные вещи – значит противоречить очевидным фактам. Никто не может распространять учение, но оно все же сохраняется и традиция живет. «Избрать тебя было решением силы, – объясняет дон Хуан. – Никто не может изменить планов силы. Теперь, когда ты избран, ты уже ничего не сможешь сделать, чтобы остановить исполнение этого плана» (IV).

Конечно, это только «способ говорить» о невыразимом. Дон Хуан не принимает идею Бога, а потому не может сослаться на «промысел Божий» или на стремление Духа к самореализации. Он знает, что правильнее всего говорить просто о силе, которая, конечно же, безлична, но по совокупности своих эффектов может вызвать представление о действующем разуме. Потому и возникают условные выражения типа «планы силы» или «сила решает».

Впоследствии читатель легко убедится, что подобные метафоры в речи дона Хуана существуют лишь для краткости объяснений, а сами объяснения служат чаще всего только намеком на лежащее по ту сторону слов.

Книги Карлоса Кастанеды пытаются противопоставлять подлинно «духовным» учениям еще по одному любопытному признаку – по отношению личности к «высшей силе», т. е. Божественному и Его предназначениям.